

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ РОГОВИН — ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ*

Залевский Г.В.¹, Мазилев В.А.², Урываев В.А.³, Соловьев А.В.⁴, Урванцев Л.П.⁵

¹ Залевский Генрих Владиславович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Фёдора Лыткина ул., 28-г, Томск, 634045, Россия.
Тел.: 8 (382) 241-39-64;

почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ; член-корреспондент РАО; действительный член Академии социологических и педагогических наук.

E-mail: den@psy.tsu.ru

² Мазилев Владимир Александрович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского», ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Россия. Тел.: 8 (4852) 30-56-61.

E-mail: vladimir.mazilov@gmail.com

³ Урываев Владимир Анатольевич

главный редактор научного сетевого журнала «Медицинская психология в России», кандидат психологических наук, доцент по кафедре медицинской психологии; государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Революционная, 5, Ярославль, 150000, Россия. Тел.: 8 (4852) 30-56-41.

E-mail: info@medpsy.ru

⁴ Соловьев Александр Викторович

кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии; Образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования «Московская высшая школа социальных и экономических наук», пр-кт Вернадского, 82, корп. 2, Москва, 119571, Россия. Тел.: 8 (495) 434-72-82.

E-mail: den@psy.tsy.ru

⁵ Урванцев Леонид Петрович

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова», ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Россия. Тел.: 8 (485) 279-77-02.

Аннотация. Статья посвящена памяти Михаила Семеновича Роговина (1921—1993), доктора психологических наук, внесшего значительный вклад в развитие методологии российской психологии в целом и медицинской психологии, в частности. Профессионально владея несколькими языками, в своих работах С.М. Роговин опирался на новейшие исследования зарубежных ученых и много сил вложил в пропаганду этих достижений. Обсуждаются оригинальные идеи М.С. Роговина о структурно-уровневой теории психики человека и возможности внедрения ее клинико-психологические исследования и практику, об оригинальной классификации (совместно с Г.В. Залевским) методов психологического исследования, о разработке психологических проблем диагностического мышления в норме и психопатологии и др. Показана роль М.С. Роговина как преподавателя ряда ведущих вузов России, в частности, Ярославского государственного университета, как руководителя целого ряда исследований, нашедших свое отражение в защищенных его учениками диссертациях.

Ключевые слова: М.С. Роговин; методология психологии; методы психологии; медицинская психология; структурно-уровневая теория; патопсихологическое исследование; философия психологии.

УДК 159.9(092)

Ссылка для цитирования

Михаил Семенович Роговин — опережая время / Г.В. Залевский, В.А. Мазиллов, В.А. Урываев [и др.] // Медицинская психология в России. – 2013. – Т. 5, № 5. – С. 1. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15010

Поступила в редакцию: 04.08.2013 Прошла рецензирование: 25.08.2013 Опубликовано: 01.09.2013

* Данная статья подготовлена по материалам статей учеников М.С. Роговина, посвященных его 85-летию: Г.В. Залевский [3], В.А. Мазиллов [5], В.А. Урываев [27], А.В. Соловьев [24], Л.П. Урванцев [25].

Михаил Семенович Роговин (1921—1993) принадлежит к числу замечательных отечественных ученых, сделавших для развития психологической науки в нашей стране чрезвычайно много. Его имя никогда не было громким. Но оно всегда было авторитетным. М.С. Роговин оставил многочислен-ные научные труды и своих прямых учеников, продолжающих развивать его психологические концепции.

Спустя много лет после ухода нашего Учителя, а ушел из жизни он так внезапно, что не успели мы высказать ему слова благодарности и признательности. И все, что ниже — это запоздалая благодарность Учителю.

Михаил Семенович Роговин родился 27 октября 1921 г. в Москве. Поступил на механико-математический факультет

М.С. Роговин в 30-е годы

Московского государственного университета. Был призван в армию, которой отдал 14 лет жизни, прошел всю Великую Отечественную войну, участвовал в боях под Москвой и Смоленском, в освобождении Венгрии и Чехословакии, а также в войне против Японии. Был командиром танка, затем, после ранения, инструктором, военным переводчиком. Награжден двумя орденами и многими медалями. После войны М.С. Роговин окончил два факультета Военного института иностранных языков, поступил в аспирантуру в МГИИЯ к известному отечественному психологу В.А. Артемову. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема понимания». В конце пятидесятых — начале шестидесятых работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР, преподавал на кафедре психологии МГПИ им. В.И. Ленина; в семидесятых и восьмидесятых был профессором на факультете психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни Михаил Семенович заведовал кафедрой психологии в Московском государственном лингвистическом университете.

Более 30 лет Михаил Семенович посвятил преподаванию психологии. М.С. Роговин был прекрасным преподавателем. Его лекции и практические занятия в психиатрической клинике были насыщены новейшими научными данными и неизменно вызвали большой интерес. Студенты мечтали выполнять под его руководством курсовые и дипломные работы, а коллеги учились у него методическому мастерству. Очень популярен был студенческий научный кружок патопсихологии, который нередко определял выбор студентами будущей специализации.

Михаил Семенович умел общаться с начинающими психологами как с коллегами, как с равными, без поучительно-назидательных ноток. Очень интересна была его манера чтения лекций — не спеша, не перегружая информацией, как бы рассуждая, с отступлениями и яркими примерами. Это были по-настоящему авторские курсы. Студентов не нужно было принуждать посещать лекции и семинарские занятия по общей психологии, патопсихологии или истории психологии. Жаль, что эти курсы лекций Михаила Семеновича не были изданы.

До сих пор помним, какая конкуренция была среди студентов, желавших писать у Михаила Семеновича курсовые и дипломные работы, стать его аспирантом. Дело было, конечно, не только в том, что он давал интересные темы, но и в том, как он руководил научными исследованиями — без диктата, ненавязчиво, предоставляя студенту и аспиранту право на самостоятельность и поощряя ее, но всегда помогая по трудным и принципиальным вопросам. Не прощал он, пожалуй, лишь одного — недобросовестного отношения к работе, очковтирательства и халтуры. Он имел на это право, поскольку сам был образцом ответственного отношения к делу и высочайшей работоспособности. Поэтому и от учеников требовались максимально исчерпывающий анализ литературы по теме, максимально глубокий анализ полученных данных, максимально тщательное планирование экспериментов. Вообще слово «максимально» мы слышали от Михаила Семеновича очень часто. И это относилось не только к научной работе.

Факультету психологии Ярославского университета Михаил Семенович отдал почти 20 лет жизни. Он полюбил Ярославль и сделал очень многое для того, чтобы факультет «встал на ноги», стал одним из самых известных и самобытных. Он пришел на факультет уже крупным ученым и всегда был для коллег высочайшим авторитетом. К нему часто обращались за советом, за консультацией по самым различным психологическим проблемам и всегда получали помощь, потому что в знании психологической литературы, особенно зарубежной, ему не было равных. И это вполне понятно: он свободно читал на английском, немецком и французском языках, очень много времени проводил в читальных залах, следил за книжными новинками и имел прекрасную личную библиотеку. Работа с литературой была для Михаила Семеновича приятным и постоянным занятием до последних дней жизни. Вот лишь один яркий пример. Во время частых поездок из Москвы в Ярославль он обычно расстраивался, если в поезде не удавалось по каким-то причинам «поработать с книгой». Открытые книги всегда были и на его рабочем столе рядом с незаконченными рукописями и старенькой пишущей машинкой. Он оказал неоценимую помощь в формировании библиотечного фонда ЯрГУ психологической литературой.

В 1968 г. Михаил Семенович защитил докторскую диссертацию по теме «Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории». Одному из авторов посчастливилось побывать на этой защите. Как ученого М.С. Роговина отличали широта научных интересов, способность увидеть новые, перспективные направления психологических и психопатологических исследований, великолепное знание мировой психологии. Своими аналитическими публикациями, прежде всего в «Вопросах философии» и в «Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова», он не только ориентировал отечественных исследователей и практиков в мировых тенденциях развития психологии и клинической психологии, но и стимулировал развитие новых направлений исследований: «Экзистенциализм и антропологическое течение в зарубежной психиатрии», «Сравнительная психология — этология — психиатрия», «Проблема экспрессии и ее место в психопатологии», «Фиксированные формы

поведения и их значение для неврологической и психиатрической клиники» (совместно с Г.В. Залевским) и др. М.С. Роговиным опубликовано более 350 научных работ по проблемам военной психологии, истории психологии, философским вопросам психологии, психологии познавательных процессов, патопсихологии, среди них монографии и учебные пособия: «Введение в психологию» (1969), «Философские проблемы теории памяти» (1966), «Проблемы теории памяти» (1977), «Структурно-уровневые теории в психологии» (1977), «Психологическое исследование» (1979), «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (1988, в соавторстве), «Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности» (1985, в соавторстве), «Основы исследования в акциональных науках» (1993, в соавторстве) и другие. «Основы лингвистической психологии» и «Генезис научного уровня мыслительных операций» Михаил Семенович закончить не успел.

Нам хотелось бы обратить внимание читателя на один из аспектов исследовательской деятельности М.С. Роговина, который, по нашему мнению, не получил до настоящего времени адекватного отражения в психологической литературе. Речь идет о том, что М.С. Роговин был, в первую очередь, методологом психологической науки. В то время занятия методологией совсем не приветствовались. Считалось, что главное сказано марксистско-ленинской философией, а методологические принципы психологии должны «вытекать» из «основополагающих положений».

Методология психологической науки понималась М.С. Роговиным не традиционно. Это важно подчеркнуть. В 1960-е гг. многие искренне полагали, что существуют уровни методологии: философская методология, общенаучная, конкретно-научная. При таком подходе о сколь-нибудь выраженной специфике психологического знания речи быть не могло; марксистско-ленинская философия выступала методологической основой психологии. Различия между отдельными дисциплинами могли описываться преимущественно в связи с некоторыми особенностями исследовательских процедур в данной предметной области. У М.С. Роговина был совсем другой взгляд...

Итак, М.С. Роговин был, в первую очередь, методологом психологии. Слова Л.С. Выготского, сказанные некогда о К. Коффке, могут быть отнесены к Михаилу Семеновичу: «Он был, прежде всего, и до конца последовательным методологом» [1]. Эти слова, конечно же, надо отнести и к самому Л.С. Выготскому, который во всем стремился дойти «до самой сути», «до сердцевины», как было замечательно сформулировано великим поэтом. Михаил Семенович был исключительным знатоком истории психологической науки, что в значительной степени способствовало продуктивности его методологических исследований.

В наше непростое время часты ламентации: за годы господства коммунистической идеологии отечественная психология выпала из традиции, из мировой психологической науки. В значительной степени это так. Но были и такие люди, как М.С. Роговин. Прекрасное знание языков и любовь к науке позволяли ему «оставаться в традиции», прекрасно ориентироваться в зарубежной психологической науке, в тенденциях ее развития. Его многочисленные аналитические обзоры в журналах «Вопросы философии», «Журнал невропатологии и психиатрии» позволяли российским психологам приобщиться к научным поискам «буржуазных» ученых.

Переводы текстов Ж. Пиаже, Б. Инельдер, М. Мид, А. Валлона, К. Лоренца и др. [8], мастерски выполненные М.С. Роговиным, представляли собой своего рода хрестоматию современной зарубежной психологии. Его любимец — Пьер Жане — стал по-настоящему известен в СССР именно благодаря публикациям М.С. Роговина [6; 9; 10]. Джордж Келли — автор широко известной ныне теории личностных конструктов [24] и еще более широко используемой техники репертуарных решеток [27] — открыт нашей публике М.С. Роговиным. Его аспирантка И.Н. Козлова написала диссертацию по теории личностных конструктов [4].

Научные интересы Михаила Семеновича отличались разнообразием: психология понимания и теория памяти, патопсихология и медицинская психология, история психологии и ее теория, сравнительная психология и этология, теория личности и когнитивная психология, структурно-уровневый подход к психике... Но главный его интерес составляли методологические проблемы психологии. Его исследования были посвящены самым разным аспектам методологии психологической науки. В рамках небольшой статьи невозможно сколь-нибудь полно отразить его методологические поиски, поэтому ограничимся лишь упоминанием отдельных моментов.

В книге «Введение в психологию» М.С. Роговин утверждает, что есть три вида психологического знания, три психологии, — донаучная, философская и собственно научная. На первый взгляд, в этом нет ничего особенного: трехчленные деления всегда были популярны. Достаточно вспомнить знаменитый контовский закон трех стадий, предполагающий наличие мифологического, метафизического и научного этапов в развитии знания. Однако, по мнению М.С. Роговина, донаучная, философская и научная психология не сменяют одна другую, а сосуществуют, образуя сложное единство, которое и является психологическим знанием. Взаимодействие этих составляющих, их взаимное влияние во многом объясняют специфику психологических концепций. М.С. Роговин отмечал: «В этой истории науки особое русло остается за развитием психологических понятий. Здесь донаучная и философская психология не сменяются научной психологией, а порождаемые повседневной деятельностью людей продолжают

существовать и развиваться наряду с нею» [10, с. 377]. И далее: «С того момента, когда психология декларативно отделяется от философии и становится самостоятельной экспериментальной наукой, ее дальнейшее развитие, казалось бы, должно укладываться в схему тех закономерностей, которые устанавливаются и для других наук. Но этому препятствует особая линия развития систем психологических понятий, обусловленная сложным взаимодействием и взаимообусловливанием всех трех психологии (донаучной, философской и научной). Вследствие этого психологические понятия выступают как средство выражения особенностей человеческой деятельности, как средство фиксации и передачи опыта и вместе с тем как предпосылка и результат специально психологического исследования» [Там же. С. 378]. Роговину удается создать завораживающую картину, отображающую проникновение познающего разума в тайны психического. Вся история психологии представлена как последовательность теоретических моделей, которые все более точно отражают сложнейший психический механизм.

Эта методологическая традиция была продолжена в небольшой, но чрезвычайно глубокой книге «Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы)». Понятие уровневой структуры, как представляется, недостаточно осмыслено самими психологами. Тем не менее, все наиболее яркие достижения психологии двадцатого века были связаны с использованием понятий уровня и структуры.

В книге «Психологическое исследование» [16] М.С. Роговин делает предметом анализа сам процесс психологического исследования. Особенно важным, на наш взгляд, является анализ проблемы объяснения в психологии. М.С. Роговин дает критический анализ известной работы Ж. Пиаже, показывая ограниченность схемы и типологии объяснения, предложенной выдающимся швейцарским психологом.

В монографии «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования», написанной в соавторстве с Г.В. Залевским, сделана попытка рассмотреть структуру психологического и психопатологического исследования, что является значительным шагом на пути построения общей методологии наук о психическом. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид — знание о психических процессах и индивидуальных особенностях — «предметное знание». Второй вид — знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике «знание методологическое». Третий вид знания — «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [23, с. 8].

Классификация методов (альтернативная известной ананьевской) была предложена в конце восьмидесятых М.С. Роговиным и Г.В. Залевским [Там же]. Авторы рассматривают метод «... как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания» [Там же. С. 72].

Общее число методов, согласно М.С. Роговину и Г.В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый — герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй — биографический метод — выделение целостного объекта познания в науках о психике. Третий — метод наблюдения, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый метод — самонаблюдение: на основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый — клинический метод: субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой — метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания с максимальной активностью противостоит объекту, кроме того, учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез [Там же. С. 72–73].

Эта классификация интересна тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось, а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии «теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования» [Там же. С. 16]. М.С. Роговин и Г.В. Залевский подчеркивают, что «сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обуславливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода» [Там же. С. 16].

Выделим яркую метафору, предложенную М.С. Роговиным для понимания существа «клинического метода»: «Мышление в рамках клинического метода можно сравнить с движением исследовательского судна вверх по незнакомой реке в поисках ее верховья. На пути этого движения встречаются многие притоки, их следует занести на карту, но не сворачивать на них, ибо конечная цель экспедиции: найти настоящие истоки — причину патологии — этиологию расстройства. После этого мы мысленно должны пройти тот же путь в обратном направлении, разобравшись в соотношении основного течения и его притоков, то есть установить особенности патогенеза. Диагноз как констатация сущности заболевания следует за установлением этих двух клинических критериев» [11, с. 50].

Нам кажется, что самое плодотворное время пришлось на семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века, когда М.С. Роговин работал в Ярославле на кафедре общей психологии. Прошло много лет, но по-прежнему трудно назвать кого-либо, кто мог бы сравниться с ним в эрудиции, широте взглядов.

Кстати, это был едва ли не единственный человек, который легко произносил слова, застревающие в горле у большинства вузовских преподавателей: «Ты знаешь, я этим никогда специально не занимался... Не знаю... Впрочем, посмотри там-то...».

Сделанное Михаилом Семеновичем для Ярославского университета переоценить невозможно.

И все-таки среди его научных увлечений главным было занятие методологией. Его первая большая книга «Введение в психологию», в сущности, является методологической. Но как же она не похожа на другие книги по психологии, вышедшие в то время! В ней почти ничего не говорится про деятельность, про ее единство с сознанием... А описываются различные подходы, различные теории, за которыми можно увидеть единственный настоящий объект психологии [10]. Помнится то наивное, студенческое впечатление более чем тридцатилетней давности: значит, психология не может быть безнаказанно уложена в прокрустово ложе «одномерных» подходов советской психологии... Мне кажется, что книга «Введение в психологию» до сих пор не оценена по заслугам. Так бывает, когда исследование опережает время... Geistzeit иногда резвится...

Михаил Семенович рассказывал о трудной судьбе этой книги. Один из рецензентов — очень известный психолог, академик — вместо рецензии заявил: «Я читал, но ничего не понял». Для пособия, предназначенного студентам-психологам, согласитесь, рекомендация не лучшая. Тогда мне это казалось лишним подтверждением коварства академиков. А теперь я думаю, что, может быть, рецензент был искренен — новые идеи с трудом прокладывают дорогу. Во всяком случае, «Введение в психологию» до сих пор остается одним из немногих методологических исследований, раскрывающих всю сложность, многоплановость и неоднозначность психологической науки.

Историко-психологическое знание представляет собой важнейшую часть корпуса современного психологического знания. Согласно известной позиции, сформулированной в работе М.С. Роговина и Г.В. Залевского, могут быть выделены три вида психологического знания. Первый вид — знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид — знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике — «знание методологическое». Третий вид знания — «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое

помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [23]. Еще раз подчеркнем: **знание историческое, согласно этой позиции, это единство знания предметного и знания методологического.** Без методологии слепа история, а без истории методология пуста.

Имре Лакатос, несомненно, прав. История психологии действительно позволяет — в полном соответствии с известным афоризмом Роберта Коллингвуда — узнать, что сделано, и тем самым понять, что представляет собой субъект деятельности. «Идея» истории справедлива не только по отношению к отдельному человеку, но и к науке в целом: «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытайтесь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым — что он собой представляет».

Методологические поиски привели М.С. Роговина к разработке структурно-уровневого подхода к пониманию психики. Подхода, в котором удалось объединить в рамках единого исследования структурный, функциональный, генетический, клинический подходы [13; 14; 15; 16; 17; 18]. Этим был сделан важнейший в теоретическом и прикладном отношении шаг от понимания психики как сложной целостности к стремлению анализировать ее как иерархическую уровневую структуру. Эта тенденция, иногда проявляясь открыто, но нередко и имплицитно, прослеживается на протяжении всей истории психологии (в частности, клинической психологии, патопсихологии). Есть, однако, немало оснований считать, что только в настоящее время указанная тенденция обретает адекватный понятийный аппарат и соответствующую ему терминологию.

В отечественной психологии наибольший вклад в структурно-уровневое понимание психики внес Н.А. Бернштейн на основе данных о построении движений. Из зарубежных исследователей главную роль в развитии структурно-урвневой теории сыграл П. Жане, разработавший понятие «акт—действие». В течение ряда лет [2; 19; 20; 21; 22; 23] М.С. Роговиным и его учениками был проведен ряд исследований в различных областях психологии, результаты которых были интерпретированы в понятиях и терминах этой теории, что позволило как расширить, так и уточнить ее исходные положения. В тезисном виде они, увы, увидели свет уже после смерти Михаила Семеновича в сборнике «Познавательные процессы и личность в норме и патологии» (Ярославль, 1995) [7], подготовленном его учениками и коллегами. Для краткости это сделано в виде отдельных пунктов:

1. О психическом (как о внутренних механизмах) мы судим на основании уровневой структуры действий (акциональных уровней). Уровень — это такая фиксируемая в

М.С. Роговин в 70-е годы

психологическом исследовании взаимосвязь характеристик действий и определяющих их психических процессов (частная структура в общих структурах деятельности и личности), которая в сопоставлении с другими структурами действий, возможными в той же ситуации, позволяет судить об ее адекватности стоящей перед испытуемым цели.

2. Действия образуют определенную (и в то же время динамическую) иерархическую структуру, где высшим, направляющим и регулятивным является уровень цели.

3. По отношению к высшим акциональным уровням низшие выступают как средства их реализации.

4. Более высокие акциональные уровни есть, как правило, уровни, более интегрированные в личности.

5. Дифференциация высших акциональных уровней обычно выступает яснее, чем у относительно более низких уровней.

6. Высший уровень — это не просто уровень цели, но обязательно и адекватное отношение к нижележащим уровням.

7. Низшие уровни находятся на грани физиологии, а психологические уровни начинаются с объектной обусловленности.

8. Отношения между акциональными уровнями диалектичны: высшие могут манифестироваться низшими, а низшие — проявляться в высших. Высшие могут выступать как позитивные или негативные (как отрицание неадекватности всей структуры).

9. Число акциональных уровней (т.е. число уровней, заключенных в интервале между высшим и низшим) — это нестабильная величина. Оно обусловлено конкретной ситуацией исследования (задачей, условиями, контингентом испытуемых и т.д.).

10. Переход с низшего акционального уровня на более высокий происходит в результате многих причин: более глубокого осознания задачи, ее нового, более полного понимания, тренировки и выработки навыка или интуитивного решения.

11. Переход с более высокого акционального уровня на низший может иметь место в результате усложнения задачи, распада сложившегося навыка или из-за психической патологии.

12. Такие факторы, как стресс или действия в условиях коммуникации, могут влиять на акциональные уровни, но для их определения необходимы в каждом отдельном случае конкретные исследования.

13. В формировании более высоких акциональных уровней знания играют большую роль, чем в формировании низших.

14. Констатация акциональных уровней предполагает некоторый оптимальный диапазон их общей флексибельности, поскольку фиксация одного из них может нарушать общую структуру.

15. Использование того или иного акционального уровня при достижении цели действия в значительной мере обусловлено степенью неопределенности стимуляции. Чем ниже акциональный уровень, тем выше его вариативность, а чем он выше, тем меньше его неопределенность. Переход с низших уровней на более высокие, таким образом, снимает неопределенность стимуляции, но неполное исчерпывание информации каждого уровня увеличивает риск ошибочного решения задачи.

Приведенное определение уровней и перечень их характеристик ни в коем случае нельзя рассматривать как окончательные. С теоретической точки зрения само понятие уровней нуждается в более строгой дефиниции. Это понятие по своему содержанию близко к понятиям «наблюдаемого» и «ненаблюдаемого», «промежуточных переменных», «гипотетических конструкций», «структурных конструкций» и т.п., которые, в значительной мере под влиянием направления логического позитивизма, уже не одно десятилетие активно обсуждаются в теоретических трудах по психологии.

Структурно-уровневая теория — это не догма, по мнению Михаила Семеновича, не замкнутая система тезисов. По мере развития прикладных, лабораторных и теоретических исследований она должна модифицироваться, приводиться в соответствие с новыми данными и новым пониманием фактов.

По мнению А.В.Соловьева [24], именно структурно-уровневая концепция представляется наиболее адекватной для раскрытия, например, природы памяти. И подобное утверждение звучит весьма убедительно в свете тех эмпирических фактов и логических доводов, которые содержатся в работах М.С. Роговина.

Нам кажется, что главной целью Михаила Семеновича было создание такой теории, которой можно было бы пользоваться (именно не излагать, а использовать на практике). Поэтому он всегда с недоверием относился к отвлеченным построениям, высоко ценил клинический метод, позволявший работать с человеком в целом. Интерес М.С. Роговина к человеку как объекту психологии был велик. Он ратовал за психологию с «человеческим лицом». «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе с все большей дифференциацией психологии теряется из вида ее главный объект — сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек — единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержание сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [10, с. 5].

Эти мысли, как мы можем убедиться сегодня, на несколько десятилетий опередили «гуманитаризацию» отечественной психологии.

М.С. Роговин был чрезвычайно скромным человеком. Тем не менее, он прекрасно осознавал масштаб своего вклада в психологию. Структурно-уровневая концепция, которую М.С. Роговин со своими учениками разрабатывал в семидесятые-восьмидесятые годы прошлого столетия, осталась недооцененной. Как и многие методологические идеи, содержащиеся в работах М.С. Роговина. Психология XXI в. потребует разработки новой методологии. Представляется, что работы М.С. Роговина могут оказать существенную помощь.

Прошедшие годы показали, что его идеи не теряют актуальности, они по-прежнему перспективны, многие из них развиваются (хотя часто и без ссылок на работы исследователя, который высказал их первым). Впрочем, к этому у Михаила Семеновича отношение было «философское»... Будучи знатоком истории психологии, он часто говорил о том, что «все уже было».

И, конечно, нельзя не вспомнить мудрость, оптимизм, неистощимый юмор Михаила Семеновича. Именно мудрость, а не умудренность. Видимо это от отца — Семена Мироновича Роговина, историка философии, профессора Московского университета, известного переводчика (переводил Марка Аврелия и Спинозу, Канта и Юма, Макиавелли). Было что-то в М.С. Роговине и от философа-стоика. Он был удивительно интересным собеседником, любил и хорошо знал поэзию, музыку, живопись, театр. Очень внимательно и бережно относился к семье. Никому не отказывал в помощи, если нужна была помощь и он мог помочь (например, привести из Москвы в голодный в те времена Ярославль аспиранту или просто коллеге продукты) [25].

Конечно, хорошо бы завершить воспоминание на оптимистической ноте. Действительно, М.С. Роговин сделал очень много. Но мы хотим сказать и о том, чего он не успел сделать. Да, остались лекции [12], в частности по истории психологии. Но в лекциях Михаил Семенович раскрывался не полностью, из методических соображений он часто адаптировал учебный материал к уровню подготовленности студента. Его лекции всегда были ясными и понятными, какой бы проблеме ни посвящались.

Главной же для него была его научная деятельность. Бесконечно жаль, что он так и не написал свою историю психологии. Какая это могла бы быть история психологии, знают все, кому посчастливилось учиться у Михаила Семеновича, работать вместе с ним, пользоваться его консультациями, читать его книги, наконец, просто иногда бывать у него в кабинете в доме на Университетском проспекте, где рядом со старенькой пишущей машинкой обязательно «находилась в работе» «свежая» монография на английском, французском или немецком языке...

Мы уверены, что все, кому посчастливилось учиться у Михаила Семеновича, помнят мудрого, знающего человека, психолога потрясающей эрудиции, автора многих книг по различным проблемам психологической науки, просто настоящего профессора...

Михаил Семенович Роговин опередил свое время. Точнее всего было бы назвать его не методологом, а философом психологии. Нам кажется, пройдет совсем немного лет, и в отечественной психологии появится полноправный раздел «Философия психологической науки». И тогда создатели новой философии психологии обязательно вспомнят Михаила Семеновича Роговина, одного из выдающихся философов психологии.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти тт. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
2. Залевский Г.В., Роговин М.С. Фиксированные формы поведения и их значение для психиатрической и неврологической клиники // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1970. – № 8; № 9; № 11.
3. Залевский Г.В. О научном наследии М.С. Роговина // Методология и история психологии. – 2006. Т. 1. – Вып. 2. – С. 99–102.
4. Козлова И.Н. Личность как система конструктов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1975.
5. Мазиллов В.А. М.С. Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 40. – С. 80–88.
6. Пирковский С., Роговин М. Пьер Жане // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1961. Т. 61, вып. 3. – С. 449–456.
7. Познавательные процессы и личность в норме и патологии: сборник статей. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. – 214 с.
8. Развитие ребенка / пер. М.С. Роговина. М., 1968.
9. Роговин М.С. Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. – 1960. – № 6. – С. 100–110.
10. Роговин М.С. Введение в психологию. – М., 1969.

11. Роговин М.С. Научные критерии психической патологии: учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 1981. – 78 с.
12. Роговин М.С. Основные направления анализа диагностического мышления в психопатологии (проблемная лекция): учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 1989. – 69 с.
13. Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. – М: Наука. – 1974. – С. 187–230.
14. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. – Ярославль: ЯрГУ. – 1977.
15. Роговин М.С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля. // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука. – 1978. – С. 152–168.
16. Роговин М.С. Психологическое исследование. – Ярославль: ЯрГУ. – 1979.
17. Роговин М.С. Изменение семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии. – 1983. – № 11. – С. 76–87.
18. Роговин М.С. Основные положения общепсихологической структурно-уровневой теории // Познавательные процессы и личность в норме и патологии. – Ярославль: ЯрГУ. – 1995. – С. 10–12.
19. Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. Психологическая природа неопределенности // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. – М., МГПИ. – 1973. – С. 187–230.
20. Роговин М.С., Соловьев А.В. Анализ познавательного стиля при психологическом изучении деятельности // Психологические проблемы рационализации деятельности. – Ярославль: ЯрГУ. – 1976. – С. 12–22.
21. Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. Уровневая структура действия // Психологическая рационализация деятельности. – Ярославль: ЯрГУ. – 1978. – С. 10–21.
22. Роговин М.С., Урванцев Л.П., Иванов Л.М. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) // Вопросы философии. – 1985. – № 2. – С. 48–61.
23. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. – Томск: ТГУ. – 1988. – 288 с.
24. Соловьев А.В. Теория памяти и ее проблемы (по материалам работ М.С. Роговина) // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 28–33.
25. Урванцев Л.П. Об учителе с благодарностью // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 9–12.
26. Урываев В.А. «Вверх по незнакомой реке...»: к проблеме психологического диагноза // Ярославский психологический вестник. Вып. 3. – М.-Ярославль, 2000. – С. 207–211.
27. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М., 1987.
28. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. Vol. One: A Theory of Personality. N.Y.: W.W. Norton&Company Inc. 1955.

Mikhail Semenovich Rogovin — being ahead of time

Zalewsky G.V.¹
E-mail: den@psy.tsu.ru

Mazilov V.A.²
E-mail: vladimir.mazilov@gmail.com

Uryvaev V.A.³
E-mail: info@medpsy.ru

Soloviev A.V.⁴
E-mail: den@psy.tsy.ru

Urvantsev L.P.⁵

¹ National Research Tomsk State University
pr. Lenina 36, Tomsk, 634050, Russia
Phone: (3822) 52-98-52

² Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
Respublikanskaya str., 108/1, Yaroslavl, 150000, Russia
Phone: (4852) 30-56-61

³ Yaroslavl State Medical Academy
Revolutsionnaya St., 5, Yaroslavl, 150000, Russia
Phone: (4852) 30-56-41

⁴ The Moscow School of Social and Economic Sciences
prospect Vernadskogo, 82, building 2, 1st floor, Moscow, 119571, Russia
Phone: (495) 434-72-82

⁵ P.G. Demidov Yaroslavl State University
Sovetskaya str., 14, Yaroslavl, 150003, Russia
Phone: (485) 279-77-02

Abstract. The paper is devoted to the memory of Mikhail Semenovich Rogovin (1921—1993), Doctor of Sciences in Psychology, who made a significant contribution to the development of methodology of the Russian psychology in general and medical psychology in particular. S.M. Rogovin spoke several languages fluently. His works were based on the latest research of foreign scientists and he spent many efforts on promoting these achievements. The paper discusses the original ideas of M.S. Rogovin concerning the structural-level theory of human psyche and the possibility of implementing it in clinical psychological research and practice, the original classification (together with G.V. Zalevsky) of methods of psychological research, and the development of psychological problems of diagnostic thinking in norm and psychopathology etc. It shows the role of M.S. Rogovin as the professor of some major Russian universities including Yaroslavl State University and as a supervisor of a number of studies reflected in his students' theses.

Key words: M.S. Rogovin; methodology of psychology; methods of psychology; medical psychology; structural-level theory; pathopsychological study; philosophy of psychology.

For citation

Zalewsky G.V., Mazilov V.A., Uryvaev V.A., Soloviev A.V., Urvantsev L.P. Mikhail Semenovich Rogovin — being ahead of time. *Med. psihol. Ross.*, 2013, vol. 5, no. 5, p. 1. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15010 [in Russian, abstract in English].